

Евгений Сатановский

ЕСЛИ Б Я БЫЛ РУССКИЙ ЦАРЬ

СОВЕТЫ
ПРЕЗИДЕНТУ

Евгений Янович Сатановский

Если б я был русский

царь. Советы Президенту

Серия «Передел мира: XXI век»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3936975

Сатановский Е. Я. Если б я был русский царь. Советы Президенту:

Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-56778-2

Аннотация

Это лишь малая часть наболевших вопросов, которые все чаще возникают в связи с приходом Владимира Путина к власти уже третий раз. Сейчас, как никогда, все хотят знать правду, пусть даже нелицеприятную. Несмотря на то что Евгений Сатановский известен в России в первую очередь как президент Института Ближнего Востока, самые авторитетные СМИ охотно берут у него комментарии по любым политическим вопросам. Любое его высказывание всегда отличают независимость, неpolitкорректность, точность и убийственная ирония. Нестандартный взгляд на события и персоны, способность глубоко анализировать факты и предпосылки позволяют ему мгновенно отвечать на любой каверзный вопрос. Евгений Сатановский – один из самых

востребованных экспертов, ученый с мировым именем. Автор книги «Россия – Ближний Восток. Котел с неприятностями». Частый гость и участник наиболее значимых международных форумов и конференций, посвященных мировой политике и экономике.

Содержание

От автора	5
Предисловие	12
Часть 1	37
Глава 1	38
Заметки на полях	46
Глава 2	51
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Евгений Сатановский

Если б я был русский царь. Советы Президенту

От автора

Что было – то и будет. Что делалось – то и делается. Вот придут некоторые и скажут: это новое. Но все это уже было в веках, бывших прежде нас.

Екклезиаст

Это книга не о том, почему и в чем именно Владимир Владимирович Путин, второй Президент, затем премьер-министр, а ныне – опять Президент России, четвертый по счету, хорош. У действующей российской власти и без автора достаточно сторонников, адвокатов и пропагандистов. Какая им цена и не больше ли от них вреда, чем пользы, – другой вопрос. Как демонстрирует мировая и отечественная история, в том числе самая недавняя, всевозможные охранительные братства, патриотические объединения, политические партии, молодежные организации и гопники-общественники обоего пола, готовые (бескорыстно, по велению души) «порвать за: Государя-Императора, Советскую власть, кон-

кретного имярека... (нужное подчеркнуть)», в момент, когда они наконец-то могут выполнить предназначение, ради которого их, собственно, на протяжении долгих лет собирали, пестовали, финансировали и организовывали, растворяются в пространстве до полной прозрачности со скоростью, нарушающей все законы природы. Выполнение необременительной декоративно-успокаивающей роли, создающей у начальства ощущение, что у него в случае чего есть опора в массах, в то время как вместо масс присутствует массовка, создает у участников этого процесса не только чувство локтя, но и обратно пропорциональную реальности уверенность в светлом будущем и верности выбранного курса. Пожмем плечами. От Брехта до Макаревича в человеческой психологии и отношениях власти и общества мало что изменилось — да и с чего меняться? Что в Германии 30-х: «идут бараны в ряд, бьют в барабаны», что в родном Отечестве 80-х: «лишь в стаде баран доверяет судьбе», что во времена нынешние, куда более «вегетарианские»... Но оставим разговоры о грустном. Будут еще поводы. Отметим лишь, что на патриотически-охранительном поле, где не устояли перед соблазном поголовного дезертирства при первых признаках опасности ни «Союз Михаила-Архангела» с его «Черной сотней», ни Гитлерюгенд, ни даже КПСС с ВЛКСМ, перспективы «Наших» и «Молодой гвардии» могут вдохновить только людей крайне доверчивых и не обремененных исторической памятью. Исполать.

Это книга не о том, почему и в чем именно Владимир Путин, второй/четвертый российский Президент, плох. У ныне действующей российской власти достаточно критиков, противников и «заклятых друзей» и без автора. Чем они сами лучше и почему все то, что они обещают, будет ими выполнено, когда и если они станут властью или смогут опереться на «социально близких» во власти – опять-таки другой вопрос. Власть – любая, тем более верховная, имеет свои законы, и даже идеальнейшие из людей, заняв пост на верху государственной пирамиды, принимают решения, исходя именно из этих законов, а не из десяти заповедей или «норм человеческого общежития». Все почему-то всегда забывают старую вьетнамскую сказку, которая легла в основу пьесы великого Евгения Шварца и фильма не менее великого (о ныне живущих так говорить не принято, но тут уж как есть) Марка Захарова. Убить или хотя бы пошпынять дракона рвутся многие, особенно если это в текущем режиме ничем не грозит. Все, кто откровенно или вскользь, нахраписто или «со стеснением» намекает на собственную готовность занять – исключительно демократическим путем и по воле народной, место правителя, с охотой рассказывают, почему именно они, любимые, для этого народа и этой страны лучше. Только придушить будущего дракона в себе никто из них никогда не был, не бывает и, позволим предположить, не будет готов. Автор вполне готов согласиться с теми, кто утверждает, что люди, которые сменят нынешнюю власть, к которой

много вполне резонных претензий, будут чудесным образом безгрешны, поголовно некоррупционированы и все сплошь смиренны, аки библейские львы, лежащие рядом с агнцами. От своего вышеприведенного мнения о том, что хрен редьки не слаще, он даже готов отказаться, узрев предварительно список праведников – не обязательно всего правительства или, упаси Господи, парламента. Бог, как известно, троицу любит, так что достаточно хотя бы трех конкретных кандидатур, наделенных в равной мере достаточной святостью, мудростью и соответствующими способностями: президента, премьера и кого-нибудь третьего, в резерв, буде кто-то из первых двух «забуреет», проворуется или чрезмерно согрешит другим образом. Жаль, что никто пока такого списка даже в самом урезанном виде не предоставил – но будем ждать.

Вольно цитируя Сергея Лукьяненко: «Данный текст не имеет отношения к делу света. И к делу тьмы тоже не имеет». Вне зависимости от разборок по поводу того, кто чей Дозор. Где тут свет, где тьма – Бог весть. Чума на оба этих дома. Что власть с ее адептами, что критики и хулители этой власти неразличимы даже в мелочах столь часто, что становятся для непредвзятого наблюдателя сиамскими близнецами. Не случайно в декабре 2011-го после парламентских выборов митинг на Болотной озвучил ироническое: «Я не голосовал за этих сволочей. Я голосовал за других сволочей. Требую пересчета». Автор честно признается: ему хотелось, во-первых, понять самому и, во-вторых, попытаться разобраться в

происходящем в стране и государстве вместе с читателями, поскольку он в этой стране живет 52 года и в этом государстве, как бы оно ни называлось и кто бы во главе его не стоял, жить планирует еще долго и счастливо вместе с семьей, друзьями и коллегами, или, как говаривали классики, «чадами и домочадцами». Родина, однако. Не идеальная, но уж такая есть. Бывают хуже. Бывают много хуже. Разберешься, что так, что не так, какие шестеренки, в каком направлении и с какой скоростью вертятся – глядишь, лучше станет. А не станет – значит, не судьба. Делай что должен и будь что будет.

Ни малейших претензий на то, что написанное – истина в какой угодно инстанции, у автора нет. Он не намерен подтачивать факты, врать в чью-либо пользу или иным способом вводить читателя в заблуждение, хотя вполне может заблуждаться сам. Более того, представленный вниманию читателя текст не претендует на объективность. Он субъективен. Если автор кого-то из упоминаемых им персонажей полагает мерзавцем, аферистом, вором или дураком, то так и сообщит, мнение это по возможности обосновав. Или не обосновав, если это и так ясно. Если не полагает или полагает (см. выше), но неабсолютным – тоже сообщит. Политкорректные люди так не поступают, но автор неполиткорректен. Искусство плетения словесных кружев, которое у воспитанных людей вместо старинного честного слова «ханжество» по нынешней поре принято называть политической коррект-

ностью, ему чуждо. В конце концов, страна, где он родился, прочно усвоила из О'Генри, что «песок неважная замена овсу», даже если в США, где эти слова были написаны, о них напрочь позабыли.

Автор на личном опыте знаком с работой президента. Он сам на протяжении двух десятилетий выполнял и продолжает выполнять эту работу – ладно бы речь шла только о корпорации и институте, хотя и это можно принять в расчет. Но он на протяжении полного срока был – и при этом выжил, оставшись в здравом уме и твердой памяти, президентом Российского еврейского конгресса. Тем, кто считает, что быть президентом крупнейшей общественно-политической организации и благотворительного фонда евреев России на протяжении первого президентского срока Владимира Путина, приняв структуру из рук Владимира Гусинского и Леонида Невзлина, отношения которых со вторым президентом страны, мягко говоря, оставляли желать лучшего, намного легче, чем возглавлять эту страну, хотелось бы порекомендовать попробовать самому. Управление Россией, разумеется, мало кому по плечу. Но управлять евреями, даже столь цивилизованными и культурными, как российские, невозможно в принципе. Процесс этот больше всего напоминает игру на грани фола или, как говорили в свое время в городе Одесса, пожар в борделе во время наводнения.

Балансирование между взаимоисключающими требованиями, идеями и проектами множества людей и организа-

ций, отношение которых друг к другу исчерпывается выражением «террариум единомышленников», не слишком облегчает то, что каждый из персонажей в глубине души полагает себя Эйнштейном, а всех прочих – слепоглухонемыми идиотами. При этом все без исключения организации живут в своем собственном бурном внутреннем мире, мало интересуясь остальным человечеством. Взамен еврейская общественная жизнь дает возможность ознакомиться с тонкостями внутренней и международной политики, включая происходящее в высших эшелонах власти. Завести опасных и влиятельных врагов. Периодически встречаться с королями, премьер-министрами и президентами. Контактировать с послами и генералами. Консультировать министров иностранных дел. Участвовать в закрытых заседаниях парламентов и комиссий по обороне и безопасности. Общаться со средствами массовой информации. Встречаться с лидерами делового мира, включая тех, кого именуют «олигархами». Знать, что происходит в мире религиозном, в том числе у высших иерархов. Дружить с великими учеными и писателями, артистами и режиссерами. Помогать множеству людей, в том числе не имеющих никакого отношения к евреям. На основании чего, собственно, и написана эта книга – со всей возможной скромностью, вежливостью и самоиронией, на которые автор только был способен.

Предисловие

Если б я был русский царь... – Ну и? Ну я бы жил лучше, чем русский царь. – ??? Я бы был царь, но я б еще немножко шил.

Старая еврейская шутка

Три вещи, которые знают все. Кто мешает плохому танцору? Каждый мнит себя стратегом. О тех, которые приходят. Перемена мест слагаемых. О тех, кто вовремя уходит. О тех, кто не уходит вовремя. Закон Шварценеггера – некоторые из них возвращаются. Элита и народ как единство противоположностей. Самодержавие как форма разгильдяйства.

Каждый нормальный человек твердо знает три вещи: как воспитывать детей, как правильно жить и как управлять государством. Он может быть старым холостяком или слепоглухонемым идиотом, которого в состоянии терпеть только родная мама, да и то с трудом. Принципиальным бездельником или фанатичным трудоголиком. Поборником трезвости или хроническим алкоголиком. Старой девой или, что далеко не одно и то же, закоренелой феминисткой. Вечно одиноким угрюмым сычом или душой компании, который замолкает, только когда спит – да и тогда храпит на весь дом. Занудой или всезнайкой, которого хочется придушить из жа-

лости к нему самому и окружающим. Неважно, кто он. Эти три вещи знают все и всегда. В отношении детей иногда еще можно спорить, укоряя собеседника в том, что своих детей у него не было и нет или отношения с ними сложились как у кошки с собакой. Стиль жизни в принципе тоже обсуждаем. Что до управления государством – тут другое дело. Детей в мире полным-полно. Жизнь есть у каждого – пока не помер. Но государств мало, менее 200. Тех, кто ими управляет, конечно, больше, но не до бесконечности. Вероятность того, что ваш собеседник лично знаком хоть с кем-то, в реальности влекущим на горбу собственную страну, как правило, близка к нулю, что открывает широчайший простор для теорий, гениальных идей и словоблудия пикейных жилетов всех и всяческих мастей. Бриан, как мы помним из Ильфа и Петрова, был голова, которому палец в рот не клади. Далее частности. Деревенская завалинка в России или кафе в Алжире, политический салон в Европе или редакция газеты в Израиле, здание ООН в Соединенных Штатах или телецентр в Персидском заливе полны самоуверенных людей с дипломами или без оных, косноязычных или с хорошо подвешенными языками. Фамилии, названия стран и предпочтения в кулинарной сфере могут меняться. Апломб – никогда. «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны».

Впрочем, это еще не худший вариант. Некоторым, помимо трех базовых, дано, к сожалению для окружающих, четвертое знание: чего они добились бы, если б не... Вариан-

ты того, кто мешает страдальцам получить все то, чего они достойны больше, чем тот, кто всего этого (неважно, чего именно) добился, разные. Жена (вторая жена, бывшая жена, муж, отсутствие супруга). Дети (родители). Евреи (кавказцы, таджики, китайцы, киргизы, армяне, цыгане, поляки, мексиканцы, арабы, негры, белые, желтые – далее без конца). Эта сволочь начальник. Эти уроды, с которыми приходится работать. Враги. Бригадир (мастер, начальник цеха, комсорг, парторг, профорг, мэр, губернатор, председатель правления, президент банка). Инопланетяне. Судьба. Интриги завистников. Собственная принципиальность (порядочность, богобоязненность, скромность, честность, доброта). Государство. Обстоятельства. Плохая карма. Грехи предков. Русская мафия. Китайская мафия. Итальянская мафия. Американцы (демократы, республиканцы, Голливуд). Русские (КГБ, КПСС, КПРФ, «Единая Россия», «оранжевые»). Израиль (сионисты, постсионисты, ревизионисты, поселенцы, ЦАХАЛ, Моссад). Газета «Завтра» («Правда», «Гаарец», «Таймс», «Нью-Йорк таймс», «Спид-Инфо», «Жэньминь Жибао»). Этот проклятый Интернет. Всемирный заговор (уточнить, чей). Масоны. Жидомасоны. Террористы (исламисты, коммунисты, «либерасты»). Гайдар, Путин, Ельцин, Горбачев, Ксения Собчак. Буш (первый и второй), Клинтон (муж и жена), Обама, жена Обамы. Бог (дьявол, шайтан, зеленый змей). Мусульмане (христиане, хасиды, буддисты, атеисты). Чак Норрис (1-й канал, 2-й канал, ТНТ, «Дом 2»). Ве-

щие сны. Сглаз. Зависть окружающих. Ксенофобы. Гомофобы. Юдофобы. Юдофилы. Дрозофилы. Любители домашних животных (или сами эти животные). Любители шуб из натурального меха. Борцы с шубами из натурального меха. Глобальное потепление. Коррупция (кумовство, воры, взяточники). Бездуховность (несправедливость, урбанизация, теократизация, вестернизация, Макдоналдс). Хобби. Хоббиты. Правые (левые, зеленые, лейбористы, либералы, консерваторы, христианские демократы). Феминистки (умники, блогеры, серая масса). Троцкисты, сталинисты, милитаристы. Гринпис, НАТО, Пентагон, ЦРУ. Предатели родины (неважно, какой именно). Пацифисты, интеллигенты, очкарики, сильно умные. Любовница мужа. Журналисты (яйцеголовые, политические бандерлоги, шакалящие у посольств). Солнечная активность. Москвичи (нью-йоркцы, питерские, парижане, кокни, одесситы, жители Рамат-Авива). Календарь майя с его концом света. Вашингтон, округ Колумбия. Киев, Тбилиси, Рига, Таллин. Фашисты (любой национальности и вероисповедания). Голубые. Безответственные элементы, агенты влияния. Соседи. Олигархи, бюрократы, чиновники. Красные (устар.). Белые (устар.). Желтая угроза. Озоновая дыра. Отсутствие мира во всем мире. Борьба за мир во всем мире. Идиоты (как явление в целом и персонально). Собственная национальность (национальность отца, матери, начальника). Меркель, Кобзон, Нетаньягу, Саркози. Имя (фамилия, отчество), данное при рождении. Дата рождения

(знак Зодиака, звезда). Выпивка. Легкие наркотики. Тяжелые наркотики. Дурная компания. Широкая натура. Среда обитания. Школа. Приятели юности (теща, родня, родственники жены или мужа, собутыльники). Выбор бесконечен. Аргументы убойные. Потерянные перспективы грандиозны. Выси, куда могли бы воспарить, и горизонты, которых могли бы достичь, потрясают. При этом никто никогда не говорил, не говорит и не скажет: сам дурак, что с этим сделать. Или: большего не стою. Или: по Сеньке и шапка. Ни-ко-гда. С большой буквы «Н».

Значит ли это, что человек, который идет к власти или к ней пришел, всегда ее заслуживает? Ни в коем случае. Сплошь и рядом – это совершенно случайные люди, вынесенные наверх волею обстоятельств. Или серые мышки, которые выплыли наверх именно потому, что ни на первый, ни на второй взгляд не представляли ни для кого угрозы. Или потому, что сильные бойцы торпедировали друг друга на раннем этапе и до конца дистанции дошли лишь слабые. Или аутсайдеры, которых лидеры взяли во вторые номера потому, что могли их контролировать на все 100 % – как им казалось, когда они их туда брали, не предполагая, что те проскочат в номера первые в результате болезни или внезапной смерти лидеров. Иногда это молодые-зеленые, которыми можно манипулировать, опекая их «до поры», которая настает всегда неожиданно и невовремя для опекуна. Ино-

гда в качестве компромиссного варианта, старые или больные, одной ногой в могиле (куда сходят, пережив всех современников). Бедные, но честные – зато какая у них возможность развернуться потом! Или богатые, которым «больше не надо» – в соответствии с заблуждением, что такие люди на белом свете есть. Тихие, незаметные, демонстративно неамбициозные люди, которые поправят-поправят немножечко и уйдут в небытие, уступив место подлинным вождям и трибунам. Щас. Уйдут они. Ждите. Пример на примере. Лежат на поверхности, известны всем и каждому, но никого ничему не учат. Поскольку единственный урок истории тот, что из нее никто не извлекает никаких уроков. Хоть не учи ее совсем – все равно бесполезно. Уж не отсюда ли идеи, которые легли в основу планов реформирования отечественного образования? Те самые, за которые все кому не лень столько лет ругают министра этого самого недобитого пока еще образования и несчастной науки Фурсенко, с улыбкой страсто-терпца не обращающего на призывы педагогической и академической общественности ни малейшего внимания?

Причем все эти особенности свойственны не только отечественной политической системе. В Соединенных Штатах не случайно говорят, что качества, которые нужны, чтобы быть хорошим американским президентом, не совпадают, а иногда и прямо противоположны качествам, которые необходимы, чтобы *стать* американским президентом. Именно поэтому Руди Джулиани – единственный, кто, по глубокому

убеждению автора, по-настоящему заслуживал кресла в Белом доме, на выборах, в итоге которых победил Барак Обама, не дошел даже до финала праймериз. Система себя бережет – любая система. Хоть административно-командная советская, хоть тоталитарная северокорейская, хоть демократическая западная. Сильных, умных и независимых она «отстреливает» по дороге к власти. Проскочить ее фильтры можно, только очень хорошо замаскировавшись. Иначе – как на помянутых последних выборах в главном столпе мировой демократии, где в финал, напомним, вышли необратимо контуженный дедушка-ветеран, стройный мулат-популист с хорошо подвешенным языком, агрессивная базарная хабалка-губернатор из глубокой провинции и утонченная злобно-вато стареющая дама из высших эшелонов старой элиты с приклеенной к лицу фальшивой улыбкой. Политически корректно до предела: все возрастные и этнические категории, оба пола – чего вам еще надо, поганцы? Что называется, делайте ставки, леди и джентльмены. Впрочем, будем справедливы: германских и австрийских канцлеров, французских и аргентинских президентов, итальянских и британских премьеров это тоже касается: политический планктон проскочит там, где крупная рыба сдохнет от недостатка кислорода, а мелкая передавит друг друга. Исключения, вроде Вацлава Гавела, встречаются, но быстро уходят или приводятся к общему знаменателю. Не зря в Израиле, с древности прославленном скептическим отношением населения к власти, будь

это хоть пророк Моисей, хоть цари из дома Давидова, хоть нынешние – прямо скажем, не цари и не пророки, говорят, что приличный человек или человек состоявшийся в политику не пойдет: что ему, делать больше нечего?

Как следствие, высшие посты сплошь и рядом занимают люди беспринципные и хитрые, авантюристы и честолюбцы, готовые обещать кому угодно что угодно ради удовлетворения амбиций и получения доступа к ресурсам. Тем более они готовы пойти на все, чтобы у власти удержаться, – в Африке, Азии и на Ближнем Востоке мы видим, какую цену за это платит население. Далее возможны варианты, в зависимости от того, какая именно власть «на дворе». Сейчас все больше в моде демократия, точнее, в большинстве случаев имитационная демократия, в рамках которой могут быть реализованы любые системы, от трайбализма или ортодоксальной теократии до военной хунты и наследственной монархии. Согласно Бродскому, «ворюга нам милей, чем кровопийца». Где-где, но в России с этим после ГУЛАГа и всех прелестей Гражданской войны, раскулачивания, борьбы со всевозможными уклонами и терроров – больших и малых, можно без колебаний согласиться. Да и не только в России. На что уж редким мерзавцем и предателем был князь Талейран, принципиальная беспринципность которого стала притчей во языцех, породив понятие «толерантности», но и современникам, и потомкам он казался лучше Робеспьера с его фанатиками-якобинцами и любимой гильотиной. Вооб-

ще-то говоря, беспристрастная попытка проанализировать, что именно на самом деле представляет собой демократия, как система управления, вместо каковой, как правило, всех отсылают к известной максиме Уинстона Черчилля, согласно которой демократия «плоха, но ничего лучшего человечество за всю свою историю не придумало», не дает оснований для большого оптимизма. Можно привести массу примеров, почему ответственная конституционная монархия лучше или по крайней мере не хуже демократии. Можно не приводить. Для Запада цитата из Черчилля по сию пору – как Ленин в Советском Союзе: вырвать из контекста, произнести с придыханием и слепо следовать указанным путем, отлучая скептиков и затапывая по дороге диссидентов. Бедный сэр Уинстон – бабник, тяжелый курильщик, выпивоха и аристократ, который напоминал кого угодно, кроме современных евродемократов! Знал бы он, до чего его слова затаскают духовные и политические наследники люто ненавидимых им при жизни «овец в овечьих шкурах»...

Как ни парадоксально, но приход во власть всех этих случайных тихонь, великих комбинаторов или продуктов политехнологов и политических технологий вовсе не обязательно к худу. Вчерашний ноль без палочки вполне может оказаться если и не государственным мужем, то его приемлемой заменой. Был артиллерийский поручик с провинциальной Корсики – стал Император Франции Наполеон Бонапарт. Сын бутлегера, разгильдяй и плейбой Джон Кеннеди и

голливудский ковбой Рональд Рейган превратились в президентов США, кумиров и символов эпохи. Нахальный юноша, не признающий авторитетов, сорвиголова и бабник У. Черчилль и не по чину смелая дочка лавочника Маргарет Тэтчер – величайшие в современной истории премьеры Великобритании. Точно так же лидер нации при ближайшем рассмотрении может превратиться в ничто. Что там сказано у классиков про то, что короля играет свита? А также про голого короля? Играет, играет. Как иначе отличить большого начальника от начальника среднего или малого ранга? Перьев на шляпах и корон теперь не носят. Бриллианты – аксессуары мафии и звезд шоу-бизнеса. Галуны и позументы украшают швейцаров и тамбур-мажоров. Но президент он, премьер-министр или император, для его проезда будут перекрывать дороги, да и передвигаться он будет с кортежем – на колеснице, в карете или в лимузине, в соответствии с эпохой – не столь важно. И сопровождать его будут вне зависимости от его собственного желания. Не случайно, чтобы пройти по Багдаду в одиночку Гарун-аль-Рашид выбирал ночное время и ходил в простом плаще. Впрочем, разве еще недавно веселый и храбрый иорданский король Хусейн не ездил по своему Амману в качестве таксиста, расспрашивая пассажиров об их жизни и интересуясь, что они думают о короле? Тот, кто наверху, всегда одинок. Ему мало кто говорит правду, даже если он хочет ее знать, а многие ли этого хотят? Да и про то, что король голый, никто не скажет ему вслух,

пока он король. Разве что иностранные журналисты. Или совсем невинное дитя озаботится просвещением общественности. Интересно, запретят ли в братской Белоруссии сказку Андерсена после новогоднего визита Лукашенко в местный детский дом, где девочка напрямую спросила «батьку» в ответ на дурацкий вопрос: а не дурак ли он? То-то будет смеху...

История всегда имеет право выбора, но выбор этот часто дело случая. При всей той роли, которая имеет личность в истории, что изменилось бы для Рима, по большому счету, если бы место Цезаря занял Помпей или Катилина? Для Франции, если бы функции Робеспьера были переданы Марату? Для России, замени Ленина Свердлов или Троцкий, а Сталина Дзержинский или Киров? Скажем, не претендуя на место при дворе в нашем собственном, невесть каком по счету Риме, кощунственное: что изменилось бы для жителей сегодняшней России, если бы ее возглавил не Путин, а Ходорковский? Ну, для тех, кто на самом верху, – понятно: президент, затем премьер, а потом снова президент – Михаил Борисович. Глава администрации и его правая рука, затем президент, а потом премьер – Леонид Невзлин. На внутренней политике, осмелимся предположить, все тот же Владислав Сурков. Некоторые изменения по высшему и среднему кадровому составу. Часть лиц, ныне пребывающих в добровольном или вынужденном изгнании – «в шоколаде». Другие не в чинах, а в бегах, узилище или истории неизвестны.

Некоторые – безвременно в мире ином. Прочее население на своем месте, где бы оно ни находилось. Включая правозащитников и весь состав адвокатуры. То есть те же тестикулы – вид сбоку. Что вовсе не означает отсутствия сочувствия бедственному положению, в котором оказался бывший миллиардер, волею судеб и своих амбиций попавший в края не столь отдаленные. Тем более что оттуда, надо полагать, он сможет выйти не так скоро, как мог бы на то рассчитывать: активная борьба оставшихся на свободе соратников за его освобождение укрепляет желание тех, кто его туда поместил, удерживать его в этих краях сверх всяких норм и приличий. Что позволяет соратникам продолжать бороться за свободу МБХ за его же собственный счет, поскольку средства, которыми они в отсутствие главного владельца распоряжаются, ни в каком другом случае, кроме нынешнего, к ним в руки никогда бы не попали.

Возвращаясь к основной теме нашего рассказа, констатируем, что овладение верховной властью есть промысел Божий. Он же – воля бессмертных Богов. Он же – Рок, Судьба, Мойры или, ежели угодно, Фатум. Короче – как карты лягут. Это теперь все знают Ленина, Троцкого, Сталина, Гитлера. Но когда и если бы не то, что в январе, но даже в сентябре 1917-го тогдашних политологов из числа мировых величин спросили, кто такие Владимир Ульянов или Лев Бронштейн, не говоря уже об Иосифе Джугашвили, многие бы ответили на этот вопрос? Кто в Германии тех времен знал об

австрийце Шикльгрубере? В Китае о Мао? А ведь это крупнейшие политические фигуры XX века, великие диктаторы и революционеры, во многом определившие пути развития человечества, которыми оно следует и по сей день! Что говорить о фигурах менее значимых? Любая пешка может стать ферзем. Как и ферзь может превратиться в беглеца, заключенного или растерзанный толпою труп. Когда и если судьбы Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов для читателя примеры давние и оттого неубедительны, есть недавние жертвы «цветных революций», да и память об «арабской весне» куда как свежа. Мятежи, бунты, перевороты и гражданские войны, по недоразумению принятые в Вашингтоне, Лондоне, Париже и Брюсселе за расцвет демократии, в честь чего все это безобразие с бесхитростностью, доходящей до идиотизма, и было названо «арабской весной», как и было предсказано скептиками, к числу которых автор относился с самого начала, привели к власти радикальных исламистов, которых отечественный юмор 90-х нарек «бородатыми зайцами». Дело житейское. Местные вожди народа и светочи нации на своем примере продемонстрировали, до чего может дойти ситуация, когда в стране не работает механизм смены верховной власти. В Тунисе президент бежал и заочно осужден на длительный срок с конфискацией. В Египте президент ушел в отставку добровольно, но в стране остался — был арестован и отдан под суд, демонстративно несправедливый. В Ливии лидер до самого конца отбивался от мятеж-

ников и блока НАТО, но в конечном счете был затравлен и растерзан вооруженной толпой. В Йемене президент чудом остался жив после покушения и, в конечном счете, отстранен от власти. В Сирии над этим на момент написания данной книги еще работали. Сегодня всем желающим понять хоть что-нибудь ясно, что после всех них жизнь в странах, которыми они так долго управляли, будет только хуже. Но, правя по 20–30 – 40 лет, они спровоцировали развитие ситуации в точном соответствии с поговоркой «нэхай гирише – абы иныше». Арабская практика совпала с украинской теорией, еще раз подтвердив, что народ сер, но мудр. Распад социалистической системы в 90-х, «цветные революции» и насильственные «демократизации» 2000-х снесли не один режим, и судя по тому, что происходит на планете, «мира во всем мире» можно ждать до второго пришествия или, коли есть охота – до морковкина заговения, как говорили в годы детства автора его близкие родственники.

Для современного правителя не так важно, как именно он взобрался на вершину властной пирамиды, – ну, в конце концов, пришел человек к власти и пришел, как то, как именно он будет уходить. Собственно, главное в большой политике – вовремя и с минимальными потерями уйти. Это хорошо знают профессионалы, занимающиеся спортом и бизнесом. Ушел на пике славы – остались добрая память, деньги и здоровье. Пропустил свой срок – не будет ни того, ни другого, ни третьего. Политика, однако, сильно отличается от бизнеса

и спорта. Спортсмену проще: если внутренний голос не говорит ему, что пора переходить на тренерскую работу, – это делают соперники. Правда, уйти можно не так, чтобы совсем уж в правильный момент, но и почти вовремя. В спортсмене еще не успели разочароваться, он принимает благородный вид и произносит правильные слова про то, что нужно уступить дорогу молодым. После чего занимается своим рестораном, улыбается в рекламе спорттоваров и играет в гольф. Его все помнят, надрываться больше не надо, и он счастлив.

Предпринимателю сложнее – сегодня акции растут, а завтра рынок рушится. Приходит кризис: дома не продаются, в рестораны не ходят, автомобили никому не нужны и банкротство на пороге. Парламент голосует за сокращение военных расходов – верфи опустели, танки не строят, самолеты никто не заказывает. Прогресс наступает на пятки: ты по-прежнему делаешь лучшие в мире пейджеры, а покупатель требует айфон или айпад. Инстинкт говорит: продай бизнес, а что говорят партнеры? Что делать с офисом? Как расстаться с секретаршей? На Новой Гвинее десять тысяч лет назад делали лучшие в мире каменные топоры. Их делают там до сих пор, но рынок сузился до пределов самого острова, и то не всего, поскольку автомат Калашникова – он и у папуасов автомат Калашникова. Лучший в мире аргумент в дружеской дискуссии. Поэтому умный бизнесмен вовремя уходит «в кэш» и произносит то же, что спортсмен. После чего ходит в его ресторан, смотрит рекламу и играет в гольф. Его

все забыли, с налоговым инспектором можно вести разговор о погоде, и он счастлив.

Политику оставить вовремя практически невозможно. То есть теоретически понятно: караул устал, которые тут временные – на выход, король умер – да здравствует король, народ имеет право... И вот ты Керенский, Лумумба или Че. Кому как повезло. Но искушение остаться страшное. Уйти – куда? И часто – как? Именно поэтому демократия, как многократно сказано и никем по-настоящему не осознано, не в том хороша, что приводит к власти лучших. Один человек – один голос. То есть один гений и десять тысяч идиотов – это десять тысяч плюс один избиратель. И голосует он черт знает за кого. Но главное, если не единственное достижение демократии, что у того, который наверху, есть дверь на выход. Он не обязан уходить вперед ногами. Сидеть в тюрьме. Бежать из столицы. Ждать революции. Быть рабом своих рабов (поклон Стругацким за цитату). В чем, собственно, и состоит вся разница между Большим белым (устар.) вождем в Белом доме, Вашингтон, округ Колумбия, и президентом Анчурии. У того, который в Вашингтоне, есть срок, по истечении которого, оставив пост, он может писать мемуары, ни за что не отвечать и быть счастлив.

Но это – если на политика не вешают собак. Не ищут виноватых. Не охотятся за скальпом. Если каждый следующий понимает, что он не лучше всех предыдущих и что когда-нибудь он тоже будет бывшим. Что трудно, а в отсутствие тра-

диции часто невозможно. Не случайно за тысячу лет отечественной истории Хрущев был первым, кого свергли, но не уничтожили. Горбачев – первым, кого свергли, но не ограничили в передвижении. Ельцин – первым, кто ушел сам. Ну, а Путин – первым, кто оставил президентский пост в расцвете сил – на пике. Остался на вершине власти – разумеется. Вернулся? Были в истории прецеденты. Де Голль, Черчилль, Бен-Гурион, Путин пришел назад – стал четвертым. Закон Арнольда Шварценеггера. В конце концов, в каждом, у кого хватает азарта и дерзости, силы воли и удачливости для того, чтобы стать лидером страны, вне зависимости от его физического возраста, где-то внутри живет подросток, которому чертовски хочется сказать: «I'll be back». Но прецедент ухода с высшего поста в срок, предусмотренный законом, Конституцией и прочими еще совсем недавно необязательными для российской практики бытовыми деталями, зафиксирован. Что есть колоссальный прогресс для евразийской империи, высшими демократическими достижениями которой за тысячу лет было вече новгородское, боярская дума и Съезд народных депутатов.

Что до того, насколько это отвечает чаяниям народным, – не надо лохматить бабушку и заниматься самообманом. Ни насколько. То есть совсем ни на грош. У них принципиально разные задачи. Задача государственной элиты – удержаться у власти. Всегда и везде. В любые времена и в любой стране. В задачах населения можно выделить три основные груп-

пы: минимум, оптимум и максимум. Минимум – уцелеть вне зависимости от того, в какие передрыги втянет страну ее элита. Оптимум – обеспечить нормальную жизнь себе и детям. Максимум – ограничить аппетиты и неизбежное самодурство помянутой элиты до уровня, при котором у населения головной боли будет меньше, а материальных благ больше. Инструменты для того, чтобы как-то сбалансировать эти устремления, существуют разные. На первом этапе развития человеческого общества царь есмь бог, и ему можно все, включая персональный храм имени его. То есть культ личности как норма жизни. Но если он не обеспечил урожай или попросту наступило его время согласно календарю – закляние на алтаре. Позже верховная власть осуществляется исключительно от имени народа и во имя народа, что с некоторыми поправками на стиль дожило до наших дней. Изначально – во имя сената и народа Рима и «Аве Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя». Но если что – Тиберия в Тибр. Толпа переменчива, а преторианцы, приглядевшись к цезарям поближе, начинают брать власть под себя – чем они сами хуже Калигулы или Нерона? Латиноамериканские хунты, африканских, арабских и дальневосточных генералов – президентов и премьеров, российских генерал-губернаторов не XX век придумал. Да и Европа с США прошли этот период, демократия не ограничивает право генерала на высший пост. Наконец, Государь – помазанник Божий. Да здравствует Император! Ваша профессия? Хозяин Земли

Русской. В итоге Карл Стюарт на эшафоте, Людовик Бурбон казнен, Николай Романов расстрелян благодарным народом. Спасибо за доверие.

Элита и народ по определению недовольны друг другом, что есть не исключение, а правило, столь же очевидное, как то, что солнце ежедневно встает на востоке, а уходит на запад – хоть кол на голове теши, ему-то что? Вследствие этого взаимного недовольства народ периодически полосуют шпицрутенами или пулеметами, а элиту столь же периодически рвут на части. Когда после Берлинского восстания 50-х тогдашнее немецкое партийное начальство по неискоренимому идиотизму своему пожаловалось ироничному и не боявшемуся фюрера со всем его Третьим рейхом Бертольду Брехту: «Народ не оправдал доверия правительства», ответ классика был логичен и прост: «Почему бы тогда правительству не подыскать себе другой народ». Народ – увы, без исключений, вне зависимости от этнической принадлежности и места проживания: пьет, бездельничает, многого хочет, нетерпелив, жесток, ленив, черт знает чем занимается и не склонен понимать великих устремлений начальства, полагая их барской дурию. Начальство – везде и всегда: все гребет под себя, ни с кем не делится, бездельничает, ворует и на все имеющиеся у него хлебные места ставит блатных – преимущественно из числа однокашников и собственных родственников, включая ближайших. Как следствие, детей элита от будущей пугачевщины, а народ от будущего ГУЛАГа убере-

гают за границей, где они иногда встречаются и даже женятся, обеспечивая единство народа и его вождей.

Повторим, ибо повторение, как вбили в автора с детства, мать учения, хотя и враг творчества: республиканский строй во всем этом не лучше и не хуже монархии, хотя для широкой массы выглядит более привлекательным. Вне зависимости от того, правит на самом деле олигархия, аристократия, бюрократия или охлократия, которая неизбежно превращает вчерашнее быдло в олигархов, аристократов или бюрократов, создавая очередную командно-административную систему. Баранам приятнее осознавать, что их стригут с уважением к их осознанному выбору, на шашлык они идут добровольно и с чувством глубокого патриотизма, пастуха выбирают себе сами, а его овчарки представляют лучшую и достойнейшую часть общенационального стада. Как там рифмовал «Квартет И»? Выборы, выборы, кандидаты... Поэтому да здравствует парламент, хотя он и «не место для дискуссий». А также Великий Хурал, Верховный Совет, Всекитайское собрание, Сенат, Лойя Джирга, Кнессет, Палата Общин, Джамахирия и Конгресс.

Увы, но организация, которую французы, наевшись улиток и лягушек, запив их анжуйским, бургундским и бордо и не подозревая о грядущем рождении в далекой заснеженной России Бориса Грызлова, для которого их «говорильня» окажется «не местом для...», в свое время назвали так, как называли, требует какого ни на есть порядка формирования. По-

этому парламент и партия – близнецы-братья. Или сестры. Называть конкурирующие группы, которые формируют национальный орган народного представительства, «гопами» – некрасиво. Мафиями или кланами – немногим лучше. Можно, как это сделано недавно и в России, использовать слово «фронт», но это все же что-то революционное. Навевает воспоминания об эсах, карбонариях и баррикадах. Партия привычнее, причем далеко не только в нашей стране, где она десятилетиями была одна, как солнце в небе, хотя, как говаривали в ЦК КПСС на Старой площади: «Система у нас однопартийная, но многоподъездная». Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи. Партия – наш рулевой. Сегодня уже даже и не важно, какая именно. Республиканская или Демократическая. Виги, Тори или Лейбористы. Ликуд или Авода. ЛДПР или КПСС. Национал-социалистическая или Справедливости и свободы. Партия легких наркотиков или Любителей пива. Слон против Осла. Тупоконечники против остроконечников (особое спасибо Джонатану Свифту).

Недовольство населения любой страны своими политиками и парламентариями – вещь бессмысленная и деструктивная. Политики и парламентарии – это в конечном счете нормальные люди, которые не смогли, не захотели или расхотели реализовывать себя в профессиональной сфере и приносить населению видимую пользу. Сферой этой могли бы быть бизнес, наука, образование или медицина. Искусство или ремесло. Разведение овец или металлургия. Копчение

колбас или ловля шпрот. Пивоварение или подметание улиц. Уинстон Черчилль не зря называл политику грязным занятием для пожилых мужчин: он знал, что говорил, проводя в стенах британского парламента большую часть жизни. Тот, кто умеет строить – все равно что: линкор, научную школу, свиноферму или дом, – партийной работой не занимается. Разумеется, есть исключения. Когда политиков в обществе так много, что во всех прочих сферах наступает дефицит, в том числе денег, то и приличные люди с боем прорываются к кормушке. Некоторые из прорвавшихся даже остаются приличными людьми – хотя это уже совсем экзотика. Россия не является исключением из правил. Напротив, поскольку публичная политика в нашей стране вещь сравнительно недавняя, число идеалистов всех мастей в отечественных коридорах власти не так мало, и при нужде их можно отыскать. Кто ищет – тот обрящет. Хотя не всегда именно то, что ищет.

Бессмысленно обвинять первое лицо страны в вожизме и ждать чего-то иного от того, кто его сменит. Превращение высших государственных постов в прокрустово ложе для тех, кто их занимает, – вопрос эволюции системы. Человек по природе существо общественное, вне зависимости от того, сбивается ли он в стаю или стадо. Партии, обществу, государству, стране нужен лидер. Не хотите царя, короля, императора – будет фюрер. Первый из равных. Генеральный секретарь. Премьер-министр. Президент. Избранный народом и переизбираемый им же. Слуга народа. Голос народа. На-

дежа и опора. Заступник и совесть нации. Он знает, куда ее вести. Он суров, но скромен. Тверд, но совестлив. Немного-словен, но харизматичен. Сметлив, но честен. Справедлив и милосерден. Любит детей и животных. Полон жизненных сил, но привержен семейным ценностям. Или не привержен – в зависимости от эпохи. Муссолини, Гитлер, Сталин, Мао. Перон, Пилсудский, Черчилль, де Голль. Насер, Асад, Каддафи, Саддам. Бен-Гурион, Ганди, Тито, Ким Ир Сен. Перечислять их можно бесконечно, и наследие этих людей, как правило, переживает их самих, хотя совсем не в том состоянии, как им бы этого хотелось. Кто остается в истории со знаком «плюс», кто – «минус». Кто в качестве тирана, кто героем. Что есть, опять-таки, вопрос предпочтений и точек зрения.

В России прошли очередные парламентские выборы и вместо конца света, который в который раз предсказывают любители нумерологии, в 2012 г. прошли выборы президента, как в США, Франции и ряде других стран, что само по себе уже неплохо. Особых вопросов не было. Ясно было, что четыре партии в парламент попадут – они туда попали. Не менее ясно было, что Владимир Путин будет избран президентом, а Дмитрий Медведев назначен премьером – по крайней мере, на обозримую перспективу. Что раздражает всех, кто полагает, что в выборах должна присутствовать какая-ни на есть интрига и конкурентная борьба полезней для страны, чем безальтернативное соревнование явного лидера с

аутсайдерами. При всем том начавшиеся в декабре 2011 г. митинги, на которых население высказало изумленной власти все, что о ней на самом деле думало, повернули российскую политику на европейские рельсы. Они, впервые за долгие годы, прошли образцово-показательно с точки зрения демократии современного типа. В том числе в части того, как вели себя во время этих мероприятий представители силовых ведомств. Разумеется, население теоретически склонно устраивать себе и власти неприятные сюрпризы, голосуя не за любимого вождя, а за аутсайдера, который, придя к власти, способен так завернуть гайки, что и самый надоевший режим покажется «добрыми старыми временами»: Лукашенко в сопредельной Белоруссии тому пример. Но в целом все нормально, ситуация штатная. «Партия власти» успешно справилась с задачей самой себя высечь, попутно снизив рейтинг руководству страны. Правящий тандем произнес все присущие случаю правильные речи, воплощение даже части которых на практике могло бы превратить Россию в идеал государственности. Партии – конкуренты «Единой России» из лагеря оппозиции приросли протестным голосованием. Чиновники вступили в очередное сражение за места, как бились и бьются во все эпохи во всех странах. Аппарат плетет византийские интриги. Борьба с коррупцией дошла до стадии, когда и те, кто ранее не воровал, тащат все что могут – тоже не новость. Реформа МВД завершена: милиция переименована в полицию, в очередной раз полу-

чила в связи с этим массу обидных прозвищ, но в глазах населения все еще мало чем отличается от бандитов. В стране есть проблемы с дорогами, но нет проблем с дураками. «Самодержавие, потому что все само собой держится». Чистый Салтыков-Щедрин.

Часть 1

Государство

Каждый сам хочет снять кожуру со своего банана.

Принцип Янга

Первое лицо. Правительство и администрация. Партии и парламент. Столицы и регионы. Силовики и бизнес. Интеллигенция и Церковь. Что у нас за система, на чем она стоит и куда движется. Реформы и вертикаль власти. Демократия и коррупция. Кто тут хвост и кем он вертит? Харизма власти и ее отсутствие. Команда и жены. Кадры решают все.

Глава 1

По какой системе устроена система

Мы все, живущие на этой планете, разные. Не в том смысле, что у нас разные гены. Разные они по определению, и даже соотношение генов, доставшихся нам от разных первобытных предков: кроманьонцев, неандертальцев, андроньевцев, не исключено – «хоббитов» с острова Флорес, разное, но общее потомство мы все дать можем. Хоть бушмены с шотландцами, хоть папуасы с сибиряками. Примеров тому несть числа. Чистокровные народы и расы – нонсенс и чепуха. Все без исключения с кем-нибудь смешивались бесконечное количество раз. Кого догнал, на том женился. Большой привет Чемберлену, Гитлеру и прочим блюстителям расовой стерильности от современной генетики. Но не об этом речь. На свете около семи с половиной тысяч языков, не считая диалектов. Огромное количество культур. Немалое, хотя и обозримое, – цивилизаций. Сравнительно немного государств – менее двух сотен. И уж совсем немного систем правления. Но все имеют разную историю. Некоторые – общую на каких-то этапах, после которых они разошлись – на время или навсегда. Другие «встретились» сравнительно недавно. У каждой страны и каждого государства (что далеко не одно и то же) свой исторический путь. Но каждый народ уверен, что его собственный путь – лучший из возможных. На-

род этот может быть завоеван или ассимилирован. Может покорить других и ассимилировать их. Или покорить и быть ассимилированным теми, кого завоевал, — есть прецеденты. Перейти на другой язык и принять другую культуру, обычаи, религию — в том числе добровольно. Культурная, религиозная или политическая конвергенция отнюдь не обязательно является следствием войны. В конечном счете всегда в итоге встречи чего-то разного образуется новое, смешанное, опирающееся на корни, восходящее ко всем тем, кто это новое породил. Именно в этом бесконечном, не имеющем временных рамок и границ разнообразия залог выживания человечества как вида. Причем к системам государственного устройства это относится в полной мере. Бессмысленно требовать от страны — любой страны, чтобы она копировала чужую систему, как бы хороша она ни была. Что говорили древние евреи о том, чтобы не наливать новое вино в старые мехи? Хотя кто это помнит и кого чему библейские мудрости научили...

В любом случае бессмысленно, живя в Москве, полагать, что в России можно со стопроцентной точностью скопировать опыт государственного устройства Франции, Сингапура или США. Можно назвать государственные и муниципальные должности теми же словами, что на Западе: президент, премьер-министр, мэр. Хоть канцлер или великий кормчий, не в том суть. Основа государственной системы остается собой, вне зависимости от того, подо что именно страна ми-

микрирует на современном этапе ее развития. Именно поэтому, вне зависимости от того, называется ли высшее должностное лицо в России президентом, генеральным секретарем или государем императором, оно имеет все функции, полноту власти, бонусы, проблемы и замашки главы империи. То есть с поправкой на моду и технологический прогресс выглядит как император, ведет себя как император, воспринимается населением и соседями как император – и по сути своей этим императором и является. Или не является, поскольку этому статусу, с точки зрения окружающих, не соответствует. После чего, в зависимости от эпохи и состояния нравов, получает табакеркой в висок, идет на расстрел вместе «со всей фамилией», отправляется на дачу под домашний арест, уходит в отставку рекламировать пиццу или иным способом сдает державу, скипетр и ядерный чемоданчик, освобождая трон и кресло верховного главнокомандующего. Совершенно неважно, воображает этот «лузер» себя мальтийским рыцарем или борцом за права «братьев-славян», внедряет кукурузу в Заполярье или сухой закон, отменяет часовые пояса или закон всемирного тяготения. Баловство, неприличное с виду и вредное как для страны, так и для будущего носителя верховной власти и его ближайшего окружения, не прокатывает в любую историческую эпоху. Статус гиперактивного чудака убийственен для верховного правителя. Уж если сел на трон, совершенно неважно, случайно или по заслугам, так делом надо заниматься. Быть от-

цом народа, а не строить из себя невесть что, хоть с твиттером и фейсбуком, хоть без них. Продвинутых пользователей в стране пруд пруди, а президент один, и требования к нему совсем другие, чем до того момента, как он им стал. Публичность первого лица играет здесь дурную роль: не зря столь часто великие, по мнению потомков, правители – это тираны, не подлежащие обсуждению при жизни, а иногда и после. Делать и говорить глупости – нормальное свойство человеческой натуры, но что прощается быку, того не простят Юпитеру. Увы.

Россия как империя и президент как император замечательно объясняют интригу рокировки со сменой власти, которая изрядно изумила страну осенью 2011 года. Выбор младшего соправителя как наследника – когда и если он с этой ролью справится – нормальный ход в условиях отсутствия династической преемственности, ничем особенным не отличающий Владимира Путина от Октавиана Августа. Ну, а не справится – пусть не обессудит. Впрочем, в современных отечественных реалиях и обижаться не на что. Один срок правления третьим президентом полностью выбран, а отказ идти на второй, поставивший в тупик даже самых доверенных лиц из ближнего круга и с редкостной бесхитростностью объясненный «мы так с самого начала договорились», – вещь добровольная. Количество тестостерона, необходимое для того, чтобы рисковать стать первым без поддержки привычного патрона, сильно отличается от того, которое необ-

ходимо для действий под его прикрытием, особенно если под этим прикрытием прошла большая часть жизни и карьеры. Потом можно сколько угодно рассказывать стране, семье и друзьям о причинах судьбоносного решения – ты был соправителем, роль сыграна, спектакль ушел на новый круг. Империя диктует свои законы смены власти.

Соправитель как проект в российской истории имеет не только римские, но и самые что ни на есть отечественные корни: сдача Иоанном Васильевичем всей полноты власти в стране Симеону Бекбулатовичу упоминается в стандартном курсе средней школы, да и Петр Алексеевич частенько баловался временной передачей своих функций приближенным. Как представляется, случай Дмитрия Анатольевича не по этой части. Иван Грозный и Петр Великий ни о какой передаче власти кому бы то ни было всерьез не задумывались, эксперименты проводили демонстративно и нарочито топорно, дабы никто не усомнился. Конституционными же нормами оба они за отсутствием таковых не баловались. Медведев получил власть всерьез, и как он ей распорядился, по большому счету, – его вопрос. Он оказался верен взятым на себя ограничениям – честь ему и хвала. Не многие, в том числе из возможных претендентов на тот же пост (воздержимся от фамилий), в аналогичной ситуации выполнили бы свои обязательства. Последнее вовсе не обязательно было бы хуже для страны, но куда как худо для стандартов поведения политической элиты, и без того далеких от

идеала. Бессмысленно гадать, какой оборот приняла бы российская политическая жизнь, если бы на президентских выборах 2012 года Медведев и Путин вступили в честное соревнование. Честное по определению, поскольку оба члена тандема обладали более или менее равными возможностями, а раскол российской элиты в любом случае налицо, и чем он обернется, еще большой вопрос. С момента объявления о том, что президент Медведев не будет баллотироваться на второй срок, его группа поддержки умножена на ноль, однако отставка министра финансов Кудрина продемонстрировала, что и соперники «медведевских» далеки от абсолютного торжества. Вариант открытого соревнования между двумя головами властного Тянитолкая был сравнительно понятен его потенциальным участникам. Вариант второго срока президентства Медведева более или менее разыгрывался по ролям. Вариант распределения ролей на третьем сроке президентства Путина казался его команде понятным, но, как выяснилось, многим лишь казался. Последнее полностью соответствовало его фирменному стилю, при котором любые знаковые назначения или отставки не просчитываются сторонними наблюдателями до самого конца.

Характерным для России как Третьего Рима, вне зависимости от того, выступает страна в тот или иной период своей истории в роли Великого Княжества Московского, Российской империи, СССР или Российской Федерации, являются ее отличие и сходство с предшественниками и делящими то

же самое наследство соперниками. Речь о собственно Риме – республике и сменившей ее империи, Втором Риме – Византийской империи и ее наследнице Оттоманской Порте – и Риме Четвертом – Британской империи до ее распада в середине XX века и сегодняшних Соединенных Штатах. Сравнение всех этих стран между собой с последующим детальным анализом результатов – предмет многолетней энциклопедической работы для большого коллектива ученых, на выполнение которой автор не претендует. Искушенного читателя и самого автора плоды этого труда несомненно порадовали бы, однако читателю массовому были бы скучны, как скучна всякая академическая работа для любого, не являющегося фанатиком предмета. Отметим лишь, что упомянутая выше четверка выстраивается в две пары. Запад унаследовал традиции самого Рима с его республиканскими институтами, сохранившими осколки былой власти и функциональный смысл и во времена империи, а также разделением светских и церковных властей. Россия – византийскую бюрократию, при которой граждан уже не существовало – их сменили подданные, институты самоуправления носили формальный характер, а церковь была институтом государства, полностью и целиком ему подконтрольным. Вышесказанное упрощает и примитивизирует тему, но в первом приближении более или менее соответствует действительности. Это влияет на принятую в стране систему власти и ее наследования. Степень взаимной зависимости национального лидера и его окруже-

ния – «придворных». Уровень влияния на ситуацию в стране бюрократии. Роль армии и спецслужб. Отношения населения и правящих классов. Совпадение и несовпадение интересов чиновников с землевладельцами и торговым сословием. Принципы взаимодействия государственных институтов с религиозными объединениями, в том числе с православной церковью. И так далее, и так далее, и так далее. Да и сам характер всех этих институтов имеет значительно более глубокие корни, чем принято считать. Отсюда вечный вопрос о том, Европа Россия или все-таки Азия, точнее, является она Евразией или Азиопой. Да и споры относительно того, по дороге ей с Западом или нужно идти другим путем, восходят все к тому же противостоянию Западной и Восточной Римской империи, описанному в последних главах учебника истории 5-го класса средней школы. Хотя, отметим точности ради, не только к ним.

Заметки на полях

Правила игры

Политика не делается в белых перчатках. Говоря по правде, ее и чистыми-то руками делают нечасто. И если вы, прикоснувшись к политике, узнаете о себе со страниц газет не только все, что с вами было, но и все, чего не было и быть не могло, — не стоит удивляться. Если любой ваш шаг, все, что с вами и вокруг вас происходит, комментируется предвзято и оскорбительно — таковы правила игры.

Вас будут преследовать те, кому вы мешаете, обращая внимание избирателей на то, что они делают за их счет, утверждая, что действуют не в собственных, а в их интересах. На вас откроют охоту профессиональные бездельники, которые годами дремлют на рабочем месте, полагая, что страна должна быть благодарна им уже за то, что они согласились ею управлять. Вам будут ставить палки в колеса те, кто полагает, что вы являетесь их конкурентом. Они будут говорить о вас гадости знакомым, распространять о вас нелепые и лживые слухи, поддерживать все, что может принести вам вред или просто испортить настроение, замалчивать все, что может сыграть в вашу пользу. И то же самое будут делать их приближенные и их родственники, их подчиненные и их партнеры — люди, которых вы в глаза не видели и которым не сделали ничего плохого.

Придерживаются они правил, принятых в обществе, или ведут себя как уличные хулиганы? Догадайтесь сами. Руководствуются они фактами или создают на пустом месте слухи? А вы как думаете? Знают они, что такое совесть, долг, моральные принципы? Да с чего бы! Кто-то из них называет себя политиком, кто-то – экспертом, кто-то журналистом или главным редактором. На самом деле их работа – удержаться у власти или в окружении тех, кто находится у власти. Как можно дольше высасывать соки из страны. И не пускать в свой круг никого «снаружи», и тем более никого, кто «не вписывается». Если нет опасности извне, они душат друг друга. Но по неписаному правилу объединяются для защиты корпоративной кормушки.

Если вы свой – у вас все будет в порядке. Ваш рейтинг может скатиться до нескольких жалких процентов – и вы будете премьер-министром. Вас может высмеивать вся страна – и вы будете премьер-министром. Вы можете быть нулем без палочки в собственном правительстве – и вы будете премьер-министром.

Вы можете проиграть войну и сказать, что выиграли ее. Можете оставить израильтян беззащитными под градом вражеских ракет и заявить, что они «никогда еще не чувствовали себя в такой безопасности». Можете рисковать жизнью детей и стариков – и продолжать заниматься интригами, призванными сохранить в ваших руках власть. Власть, доставшуюся вам случайно. Власть, которую вы не

заслужили. Власть, которой не стоите и которой не умеете распорядиться.

Если вы свой – вы непогрешимы. Вы можете назначить кого хотите, на какой угодно пост – и вам будут петь осанну. Вы можете ставить под удар будущее страны, обещая отдать всю контролируемую Израилем спорную территорию, которую не вы завоевали, не вы обустроили и не вы защищали, человеку, чье будущее еще менее прочно, чем ваше, – и это будут называть «прорывом в мирном процессе». Вы можете балансировать со своей «правлящей коалицией» за гранью падения, и ваши конвульсии преподнесут как уверенный политический курс.

Если у вас есть «классово близкая» газета, телеканал или радиостанция, которые готовы закрыть глаза на все, что вы делаете, и все, что представляете собой на самом деле, они будут работать на вас. Пусть из-за ваших ошибок, самоуверенности, некомпетентности погибли сотни израильтян и ливанцев, многие из которых были мирными жителями. Пусть вы своими собственными руками разрушили веру в Израиль у миллионов сочувствующих ему во всем мире. Пусть даже преданные друзья и союзники перестали понимать, что именно и во имя чего вы делаете. Но если у вас есть «свои» журналисты или «свой» главный редактор, они будут расчищать вам путь к власти, а ваших возможных оппонентов попытаются утопить. Ссылаясь на демократию, справедливость и интересы избирателей. Вне зависи-

мости от логики, фактов и объективной реальности. Потому что вы – премьер-министр. И потому что для них вы свой. Таковы правила игры.

Но если вы не премьер-министр и не свой, то вы можете быть семи пядей во лбу. Вы можете вывернуться ради своей страны и своих сограждан наизнанку. Все, что о вас напишут, будет: «Интересно, зачем это ему было нужно?» Вы можете неожиданно для недоброжелателей и себя самого оказаться по-настоящему популярным. Все, что по отношению к вам сделают, будет направлено на то, чтобы отодвинуть вас в тень или очернить. Вы можете сколько угодно создавать новое или пытаться починить то, что еще можно спасти, из работающего на страну старого. Все, на что вы можете надеяться, – это серия статей или передач, рисующих вас законченным злодеем.

О вас не будут писать: «Его место в тюрьме, а не в мэрии или парламенте» – это время ушло. Но будут создавать, раздувать, распространять и использовать все мыслимые и немыслимые слухи и сплетни. Будут пользоваться каждым случаем для того, чтобы растиражировать их, пытаясь связать ваше имя не с тем, что вы делаете на самом деле, а с этой пеной из полуправды, намеков и неприкрытой лжи. И делать это будут день за днем, с последовательной увлеченностью, достойной лучшего применения.

Даже если вы сделали для страны что-то, что нельзя не

заметить, о чем невозможно не упомянуть и что трудно очернить, к рассказу об этом всегда можно присовокупить коктейль из намеков и ссылок на неназванные источники информации. Понятно, что политики те люди, которыми являются. Что у них такая ментальность, такие привычки и такое видение себя и окружающего мира, какие есть. Такое окружение, такие союзники и такие сочувствующие, какие только и могут быть у людей такого рода. Что газеты, которыми владеют и руководят эти люди, действуют, как умеют. И когда их фантазия истощается, а истории, сшитые на живую нитку, начинают трещать по швам, они скатываются до бульварного уровня желтой прессы. И то, что вся эта «милая компания» действует в соответствии с принятыми в ней правилами игры, не греет ни чью душу.

Глава 2

Три источника и три составные части власти в России

Вспоминая марксизм-ленинизм в вульгаризированной для лучшего употребления советской системой образования форме, отметим, что российская модель управления имеет три источника – они же три составные части. Источниками этими являются: скандинавские (шведские) конунги, чингисиды, которых в отечественной традиции принято называть татаро-монголами, и византийские басилевсы, причем Византия лишь замыкает этот ряд. Хазарские каганы, к сожалению автора, были выбиты из этого соревнования на раннем этапе, из-за не слишком удачной и печально для него закончившейся, но оправданной со стратегической точки зрения операции ярла Хольгера, известного отечественной исторической науке и словесности как Вещий Олег. Окончательно эту тему закрыл Владимир Красно Солнышко, сделавший правильный для своей эпохи и своей страны выбор веры в пользу византийского православия, что на корню уничтожило проблему его возможной подчиненности находившимся на подъеме Халифату или Папскому Риму, открыв возможность предъявления претензий на географически близкое наследство слабевшей Византии. Вздохнем о черномор-

ских проливах, которые и через тысячу с лишним лет остались для России близким локтем, который не укусишь. Сорванное октябрем 1917-го соглашение Сайкса-Пико и полумертвая конвенция Монтре – слабое утешение для страны, чья официальная история началась со щита, прибитого к вратам Царьграда.

Возвращаясь к затронутой теме, отметим еще раз, что русская – и российская – государственность на протяжении всего первого периода существования, вне зависимости от того, говорим ли мы о Руси Киевской или Новгородской, имела в качестве основы скандинавов, оседлавших «путь из варяг в греки». Попутно они покорили местные славянские, финно-угорские и балтийские племена, жившие в бассейнах рек, впадавших в Балтийское, Белое, Черное и Каспийское моря, которые представляли собой идеальные водные артерии для торговли и набегов на Византию, Халифат и Персию. Ничем это безобразие от того, что происходило по всей тогдашней Европе, не отличалось, разве что Среднерусскую равнину осваивали шведы, а не норвежцы и датчане, как Британию, Нормандию или Сицилию. Смешанные браки между завоевателями и покоренным населением пошли лишь через несколько поколений, да и в самом деле, какие могут быть браки между траллами и вестфольдингами. Изначально же русы торговали, к изумлению арабских и еврейских средневековых путешественников, своими подданными всюду, не стесняясь в рамках рекламы живого товара вести се-

бя так, что вогнали бы в краску их отдаленных потомков, люберецких и солнцевских «быков», – тому есть множество свидетельств, начиная с записок знаменитого Ибн Фадлана. Вполне объяснимо: что еще делать с покоренными аборигенами? При всем том до самого татаро-монгольского (оставим в покое этот устоявшийся, хотя и крайне сомнительный этноним) завоевания местные династии вступали в брачные контакты с европейскими дворами, поскольку состояли с ними в прямом и непосредственном родстве. Запомнившееся автору со школы детское изумление карьерой Ярославны в качестве королевы Франции испарилось по мере понимания того, что ее отец был кровью и плотью от сети контролировавших немалую часть тогдашней Европы потомков скандинавских пиратов. Кому Ярослав Мудрый, кому ярл Яриц-Лейв. Именно поэтому новгородское и псковское вече так напоминает скандинавский тинг, а Новгород до его разгрома войсками Ивана Грозного входил в североевропейскую Ганзу. Средневековые русские княжества были естественной частью Европы и не воспринимались ею в ином качестве, а проблемы религиозных догматов той поры – вопрос не столько русский, сколько греческий и балканский. Пока немалая часть Европы была языческой, христианские ереси множились, а ислам наседал со всех фронтов, было не до выяснения отношений. В итоге открытой конкуренции церковью Восточная Европа вошла в орбиту Константинополя, как Западная – Рима. Что многое определило в последующие ве-

ка, но не имеет прямого отношения к настоящей книге, хотя поздней мы к этому вернемся. Именно средневековая Русь, которую в отечественных учебниках по причине понятного желания властей предержащих и чиновников от образования углубить собственную историю, до сих пор называют «Древней Русью», определила первое из направлений, вокруг которых собралась и до сих пор держится страна: с севера на юг. Турецкие и персидские походы русской армии, в итоге которых Россия к концу XIX века «приросла» Причерноморьем и Прикаспием, – не более чем продолжение набегов «северных варваров» тысячелетней давности. Как, впрочем, персидский поход Степана Разина, Балканские войны, а также операция Советской армии в Иране в годы Второй мировой, обеспечившая встречу союзников в Тегеране.

По-настоящему в Евразию территория, ставшая ядром будущей России, вошла с момента ее завоевания войсками Чингисхана, точнее, его сына Батыя, о чем в отечественной литературе написано много, хотя лучше трилогии Янчевецкого, более известного как Василий Ян, трудно отыскать до сих пор. На несколько столетий русские княжества оказались частью мировой империи, простиравшейся от Тихого океана до Средиземного моря и от Сибири до Вьетнама. Эта мировая держава рассыпалась и собиралась под другими знаменами, меняла столицы и династии, давала начало новым странам, устойчивым, как индийская империя Мого-

лов, или эфемерным, как среднеазиатское государство Тимура. Именно она определила вторую ось, вокруг которой позже была собрана Российская империя: с запада на восток, вдоль степного коридора, идущего от венгерского Альфельда к Байкалу и Маньчжурии. Ермак и Хабаров, Пржевальский и Скобелев, Невельской и Арсеньев продвигали Россию в Сибирь, Центральную Азию и на Дальний Восток. Маленькое провинциальное княжество на западных рубежах земель Ясы, подминая под себя царство за царством, двигалось в направлении столиц, которым когда-то платило дань: Сарая, Каракорума и Ханбалыка, и в итоге добралось до Тихого, а осваивая великие сибирские реки – и до Северного Ледовитого океана, по пути превратившись в самое большое по площади государство на планете. Отечественная вертикаль власти, не говоря о мозаичности входящих в состав страны территорий, сохранявших свои особенности, местное право и изрядную толику самоуправления провинциальных элит в обмен на лояльность к центру – именно из той эпохи. Отметим – эта система строилась на полном взаимопонимании народа и властей. Что означало: что население платит ясак, а баскаки его собирают, присваивая часть, как полагается баскакам. Когда платить нечем, оплата налога производится сдачей в личную зависимость самого населения, персонально и поголовно, что и легло в основу отечественного крепостного права, укрепившегося на Руси в ту пору, когда в Европе оно как раз собиралось исчезнуть без следа. Что назы-

вается: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». За злоупотребления, которые сегодня прошли бы по статье «преступлений против человечности», боярыня Морозова была направлена в острог, но еще литературный Фирс отмену крепостного права полагал «несчастьем». Это к вопросу о корнях скептического отношения российской власти к превращению ее подданных в граждан. Только что они в большинстве своем холопы, подлый люд или, как их именovala классическая русская литература, рабы, за исключением отдельных групп, вроде польской шляхты, евреев или немцев, что многое объясняет в отношении к ним отечественной правящей элиты, которая не может взять в толк, что с этим делать. Или, что не слишком отличается, колхозные крестьяне, городская лимита, интеллигентная прослойка, лишенцы и прочее потенциальное населения ГУЛАГа. И, поди ж ты, вдруг с какого-то момента это граждане с правами человека и претензиями на демократию и прозрачные выборы. Звучит смешно.

У шварцевского дракона было три головы, у отечественного Змея Горыныча тоже, причем третья – самая вредная. В нашем случае речь о Византии, государстве чиновников и царедворцев. Не случайно по сей день в Европе особо хитрые интриги именуют плетением византийских кружев. Бюрократия, доведенная до высшей точки. Система, выжимающая из крестьян, торговцев и ремесленников все соки, оставляя им самую малость, чтобы с голоду не умерли, да и то не всегда. Показная, наглая, беспрецедентная роскошь вер-

хов. Чехарда на троне. Всегда готовые предать и отложиться от империи провинциальные сатрапы, боящиеся только высшего начальства. Показуха перед иностранцами и стравливание соседей. Кругом враги, страна в кольце. Подлость как главная доблесть придворных. Не отравят, так задушат, не задушат, так зарежут. Все не доверяют всем. Главное достоинство армии – чтобы не могла поднять мятеж. Первейшая основа выдвижения – неспособность подсидеть начальство в связи с отсутствием способностей. Как следствие – отрицательная селекция кадров: каждое следующее поколение слабее предыдущего. Вера, превратившаяся в обряды и суеверия, опирающаяся на роскошь храмов и дворцовые интриги. Церковь как департамент государства. Беспрекословная смена ориентиров по команде сверху: сегодня иконоборчество, завтра иконопочитание, с одинаковым изуверством в отношении не успевших или не захотевших перестроиться. Высшие иерархи, в равной мере безразличные к пастве и клиру. Остатки высших военных технологий, вроде греческого огня. Ставка на оборону. Замордованное до последней стадии население, готовое приветствовать любых варваров-завоевателей как освободителей от власти, которая хуже любого врага. Готов, болгар, арабов – все равно. Ничего не напоминает? Именно оттуда – корни современной российской бюрократии. Вечной, неизменной, саморазмножающейся и всепоглощающей. Активной, как лесной пожар, ввиду возможности освоения бюджета. Инертной, как моховое болото при необ-

ходимости выдачи результата. На всякий случай душащей в зародыше все, способное подняться выше серой нормы. Речь, к слову, не о «питерских», хотя и о них тоже. Так вот – все это Византия. Империя, которая загнивала и умирала тысячу лет, заражая своим ядом все, что с ней соприкасалось. Граждан там не было, а были чиновники и налогооблагаемая масса, которая, буде налогов платить больше не могла, не имела для государства никакого смысла, как не имеют его для отечественных бюрократов отечественные пенсионеры или инвалиды. Выдели на них бюджет – его освоят с минимальным результатом и для тех, и для других, а так они зачем?

Всеобщее избирательное право, как следствие всеобщей воинской повинности, заставляет власть искать поддержки в гражданских чувствах населения страны и укреплять в нем ощущения того, что оно может не только называться, но и чувствовать себя ее гражданами. На деле представители властных институтов страны относятся к ним так, как относились, хотя и говорят иное. Подданные в их глазах немногим отличаются от тралсов, подъясачных и прочего «подлого люда». Это не хорошо и не плохо – просто реальность, данная населению в ощущениях. Власть как оккупационная система – специфика России во все периоды ее исторического развития. Именно поэтому она и развивает не страну, а в лучшем случае государство, что далеко не одно и то же. Бла-

го крысы в сыре — максимально выесть сыр, а не заботиться о приумножении сыров на полке. Это ее природа. Противостоять природе она не может и не хочет. Стыдить ее бессмысленно, да и борьбу с ней ведут по большей части те же крысы, только пока еще не получившие доступ к сыру, что в полной мере характеризует отношения «Единой России» как правящей партии (с сыром) с парламентской оппозицией, которой сыру не хватило. Для полноты картины, которая получается уж слишком мрачной в части элиты отечественной, отметим, что большинство прочих не лучше, а многие куда хуже, те же, что на первый взгляд выглядят пристойней, имеют большой набор скелетов в собственных шкафах. Российские верхи куда как недотягивают по части самодурств и безобразий, явных или тайных, до уровня большинства республик бывшего СССР, а по сравнению с африканской, латиноамериканской и азиатской элитой полны благолепия и высоких устремлений. Элита западная при ближайшем рассмотрении немногим лучше, но выработала умение лучше выглядеть и вести себя, по крайней мере, в пределах собственной страны. За границей она уже не та, поскольку нувориши, дети богачей, на которых природа отдохнула, и высокопоставленное чиновное быдло примерно одинаковы во всем мире, вне зависимости от того, представляют они отечественных «братков» в первом поколении или американских бутлегеров и британских джентри в третьем. Лоску больше, за спиной колледж или университет, умение носить смокинг вбито

с детства, языки и манеры вбиты в организм на уровне спинного хребта. Поколения через два-три свои будут такими же, затем их дети и живут в Лондоне, Женеве и на Лазурном Берегу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.